

28. I.
2709

28. I. 2709

1934v

~~28. I~~
~~2709~~

1917
800x

V302

ЦИНИКИ

(психологическій, моральный и социальный этюдъ) 1).

106711

Въ Аѣинахъ, роскошно обстроєнныхъ Перикломъ, съ ихъ храмами, портиками, статуями, палестрами, театромъ и т. д., среди веселой жизни Аѣинянъ, описанной Аристофаномъ, Ксенофонтомъ, Платономъ и друг., когда устраивались у богатыхъ гражданъ обѣды и пиры, на которые собирались поэты, ораторы, ученые и философы (смотри. Симпосіонъ Платона), на площадяхъ города стали являться личности, наружный видъ и жизнь которыхъ не гармонировали съ общєю картиною города и его жизнью и которые невольнo обращали на себя вниманіе окружающихъ. Дырявый плащъ, вдвое сложенный, одинъ прикрывалъ ихъ тѣло; котомка—на спинѣ и палка—въ рукахъ. Они не имѣли постоянного пріюта; жизнь ихъ проходила на улицѣ; спали они, гдѣ попало, по преимуществу въ портикахъ; ѣли они тоже на улицѣ и питались самою скудною пищею; пили одну воду, которую нерѣдко набирали руками. Такъ по крайней мѣрѣ описываетъ намъ наружный видъ и жизнь этихъ людей Діогенъ Лаэртій (Diog. Laërt. Lib. VI). Это не были нищіе; они не протягивали руки за подаваніемъ и не просили милостыни. Окружающая толпа смотрѣла на нихъ, какъ на чудаковъ и людей странныхъ; уличныя мальчишки позволяли иногда смѣяться надъ ними. Не такъ смотрѣли на нихъ люди образовангые; они не счи-

1) Составленъ по Діогену Лаэртію.

ЦНБ Х. / В. Н. Каразина
2311 р.

89

Проверено
ЦНБ
1938

28. I
2709

тали ихъ чудаками; напротивъ, признавали въ нихъ умъ и образованіе; нерѣдко удивлялись ихъ силѣ воли; не чуждались принимать ихъ въ свое общество; только боялись иногда ихъ злой насмѣшки. То были такъ называемые *циники*.

Названіе *циника* передалось всѣмъ образованнымъ народамъ ново-Европейскаго міра и сдѣлалось нарицательнымъ, прилагаемымъ обыкновенно къ человѣку, ведущему грязный образъ жизни и усвоившему, что нерѣдко бываетъ, соотвѣтственный тому способъ рѣчи. Единичныя явленія такого рода, встрѣчающіяся въ жизни, мало кого обращаютъ вниманіе и интересуютъ. Но древніе циники составляли секту, которую чаще называютъ *философскою циническою школою*. Появленіе этой секты въ Греціи и въ частности—въ Аѣинахъ тѣсно связано съ морально-соціальнымъ состояніемъ греческаго общества того времени, а также съ прогрессомъ философіи. Выработавши себѣ извѣстное опредѣленное философское міровоззрѣніе, особенно въ области нравственной и практической философіи, представители секты болѣе, чѣмъ кто-либо, точно осуществляли его въ своей жизни и дѣятельности; при этомъ они не чужды были претензіи дѣломъ и словомъ повліять на измѣненіе морально-соціальнаго состоянія тогдашняго общества. Ихъ ученіе было прямо направлено, какъ это мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, противъ морально-соціальнаго положенія общества, среди котораго они жили. Несомнѣнно, что изученіе школы древнихъ циниковъ съ этой стороны представляетъ немалый интересъ. Интересно оно и съ той стороны, что при ближайшемъ знакомствѣ съ ученіемъ и жизнію древнихъ циниковъ можно видѣть, что и въ жизни народовъ ново-Европейскаго міра были и доселѣ встрѣчаются явленія, близко напоминающія древнихъ циниковъ съ ихъ ученіемъ и жизнію.

Въ предъидущемъ очеркѣ подъ заглавіемъ: «Греческіе трагики и софисты» представлено нами литературно-философское движеніе въ Аѣинахъ послѣ Персидскихъ войнъ. Это движеніе вращалось главнымъ образомъ въ области мораль-

но-соціальныхъ идей и въ лицѣ *софистовъ* приняло отрицательное направленіе по отношенію къ принятой въ обществѣ морали и существовавшимъ въ немъ соціальнымъ и политическимъ институтамъ. Какъ основаніе отрицанія, софистами выдвинуто было противопоставленіе *природы* и *закона* (*οὐ φύσις, ἀλλὰ νόμος*); высказывалось требованіе *жизни по природѣ*. Это требованіе нѣкоторыми истолковано было въ томъ смыслѣ, чтобы жить внѣ всякихъ законовъ, ограничивающихъ свободу человѣка: истинно счастливая жизнь есть жизнь тиранна, наслаждающагося всѣми удовольствіями и благами жизни и неподчиняющагося никакимъ законамъ—ни юридическимъ, ни нравственнымъ, принятымъ въ обществѣ.

Какъ видно изъ этого же очерка, на борьбу съ этими антиморальными и антисоціальными идеями и тенденціями выступилъ Сократъ. Мы не станемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе всего ученія Сократа о нравственности, а ограничимся лишь тѣмъ, что существенно необходимо для настоящаго нашего очерка. Въ противоположность софистамъ Сократъ называлъ жизнь тиранна *рабствомъ*: тираннъ есть рабъ своихъ страстей. И это рабство, по словамъ Сократа, есть худшее, какое только ему извѣстно. Умѣстно привести здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ «*Memorabilia*» Ксенофонта, гдѣ Сократъ трактуетъ объ *умѣренности* и *неумѣренности*. «Скажи мнѣ, говоритъ Сократъ Эвтидему, не считаешь ли ты прекраснымъ и важнымъ приобрѣтеніемъ какъ для человѣка, такъ и для государства *свободу*?—Величайшимъ приобрѣтеніемъ, отвѣчалъ Эвтидемъ.—Считаешь ли ты свободнымъ того, которымъ управляютъ чувственныя удовольствія и который чрезъ нихъ не можетъ въ жизни дѣлать того, что есть прекраснѣйшее?—Всего менѣе, отвѣчалъ Эвтидемъ (*Memorab. Lib. IV cap. V*). «Какими считаешь ты тѣхъ начальниковъ, которые препятствуютъ добру и принуждаютъ ко злу?—Весьма дурными.—Какое рабство считаешь ты самымъ худшимъ?— То, которое бываетъ у самыхъ дурныхъ правителей.—Слѣдовательно, *неумѣренные находятся въ рабствѣ, худшемъ изъ всѣхъ*?—Мнѣ такъ кажется, отвѣтилъ Эвтидемъ (*ibid.*). «Думалъ ли ты, Эвтидемъ, вотъ о чемъ?—О чемъ? — О томъ, что неумѣрен-

1917
800x

ность, которая, повидимому, одна даетъ намъ возможность достигнуть удовольствія, въ дѣйствительности безсильна это сдѣлать; между тѣмъ, какъ умѣренность болѣе, чѣмъ все остальное, доставляетъ намъ наслажденіе (ἡδυσθαί ποιεῖ)?—Какимъ образомъ?—Такимъ образомъ, что неумѣренность, не допуская насъ до того, чтобы продолжался голодъ, жажда.... бодрствованіе, которые одни дѣлаютъ намъ пріятными ѣду, питье... покой и сонъ, когда терпѣливо ожидается моментъ, въ который все это бываетъ наиболѣе пріятно, — неумѣренность препятствуетъ намъ испытывать истинное наслажденіе при удовлетвореніи этихъ необходимыхъ повседневныхъ потребностей; напротивъ, умѣренность, которая одна дѣлаетъ насъ выносливыми въ лишеніяхъ, способствуетъ еще тому, чтобы мы испытывали удовольствіе при воспоминаніи прежнихъ удовольствій, относящихся къ тому, о чемъ сейчасъ сказано» (ibid.). «Чѣмъ отличается отъ неразумнаго животнаго человѣкъ неумѣренный, который не заботится о приобрѣтеніи блага высшего, а ищетъ однихъ удовольствій, домогаясь ихъ всѣми средствами?». «Одни умѣренные могутъ понимать лучшее въ вещахъ; одни они имѣютъ свободу избирать истинное добро и воздерживаться отъ зла, діалектически различая виды благъ и въ теоріи и на практикѣ (ἐργῶ καὶ λόγῳ ibid.)». «Умѣренность, говоритъ Сократъ въ другомъ мѣстѣ, есть основаніе добродѣтели (τῇ ἐγκράτειᾳ ἀρετῆς εἶναι χρηπεία. Memorab. Lib. I cap. V)». Въ бесѣдѣ съ Антифономъ Сократъ говоритъ: «ты, кажется, считаешь благомъ удовольствія и роскошь; а я думаю, что божество по своей природѣ ни въ чемъ не нуждается и что тотъ, кто имѣетъ меньше потребностей, приближается къ божественной природѣ; такъ какъ природа божественная совершенна, то приближающійся къ божественной природѣ приближается къ совершенству» (Memorab. Lib. I cap. VI).

По свидѣтельству Ксенофонта и Платона, Сократъ въ своей жизни былъ образцомъ умѣренности. Онъ велъ самую простую жизнь и довольствовался самою скромною, даже грубою пищею. (Memorab. Lib. I cap. VI). Онъ былъ въ высшей степени выносливъ по отношенію къ голоду и холоду. И лѣтомъ

и зимою ходилъ босыми ногами и носилъ одну и ту же одежду (Смотр. *Memorab. Lib. I. cap. III и IV*, а также: *Platonis Symposion*).

По видимому, здѣсь,—въ ученія и жизни Сократа нужно искать начало и основаніе того явленія, на которое указано нами въ началѣ, т. е. появленія школы циниковъ. Дѣйствительно, Аристофанъ въ своей комедіи: «Облака» представилъ Сократа настоящимъ циникомъ. Но кромѣ Аристофана никто не называлъ и не считалъ Сократа циникомъ. Всѣ признаютъ основателемъ цинической школы нѣкоего *Антисѳена*. Онъ, дѣйствительно, былъ ученикомъ Сократа; но онъ не сдѣлался истиннымъ сократикомъ. Вліянія Сократа на Антисѳена, конечно, отвергать нельзя и найдется общее въ жизни и ученіи Сократа и Антисѳена; но Антисѳенъ испыталъ другія вліянія, которыя увлекли его въ другую сторону отъ Сократа. Но мы лучше поймемъ разницу между Сократомъ и Антисѳеномъ и ученіемъ того и другаго, когда ближе познакомимся съ личностію Антисѳена и его ученіемъ.

Антисѳенъ—основатель школы циниковъ. Прежде, чѣмъ сдѣлался ученикомъ Сократа, Антисѳенъ учился у софиста Горгія. Этого нельзя упускать изъ виду при оцѣнкѣ ученія Антисѳена. По видимому, его ожидала карьера блестящаго софиста и оратора. Къ сожалѣнію, сочиненія Антисѳена, которыхъ Діогенъ Лаэртій насчитываетъ до десяти томовъ (*τομοὶ δέκα. Diog. Laert. Lib. VI. cap. I, 15*), съ разнообразнымъ содержаніемъ, какъ видно изъ заглавій ихъ, не дошли до насъ. Діогенъ Лаэртій, на основаніи знакомства съ сочиненіями Антисѳена, замѣчаетъ, что риторскій способъ изложенія отпечатлѣлся даже въ діалогахъ Антисѳена (*Ibid. 1*). Тотъ же Діогенъ Лаэртій приводитъ свидѣтельства другихъ писателей, изъ которыхъ видно, что Антисѳенъ обладалъ искусствомъ краснорѣчія, отличался въ высшей степени остроуміемъ и убѣдительностію въ рѣчахъ, такъ что легко могъ увлечь всякаго, кого хотѣлъ (*Ibid. 14*). Послѣ уроковъ Горгія онъ самъ открылъ школу и собралъ около себя учениковъ, которые, вѣроятно, платили ему, какъ софисту, деньги за уроки. Такимъ образомъ, преподавая искусство краснорѣчія, на которое тогда былъ боль-

шой спросъ, онъ могъ обогатиться подобно другимъ выдающимся софистамъ. Но съ нимъ произошла неожиданная перемѣна, когда онъ встрѣтился съ Сократомъ и сталъ слушать его: онъ закрылъ свою школу, сдѣлался ученикомъ Сократа и даже своихъ учениковъ убѣждалъ послѣдовать его примѣру. Съ неизмѣнною точностію онъ каждодневно отправлялся изъ Пирея въ городъ, чтобы слушать Сократа. Такъ продолжалось до самой смерти послѣдняго, такъ что передъ смертію Сократа мы видимъ Антисеена въ темницѣ среди другихъ преданныхъ учениковъ Сократа (Plat. Phaedon). Если вѣрить Діогену Лаэртію, то Антисеенъ впослѣдствіи мстилъ обвинителямъ Сократа за смерть своего учителя. «Кажется, говоритъ Діогенъ Лаэртій, Антисеенъ былъ причиною изгнанія Анита и смерти Мелита» (D. L. Lib. VI cap. 1. 9).

Какъ основатель школы циниковъ, Антисеенъ первый сталъ вести жизнь циника, какъ она описана нами выше; онъ первый сталъ носить дырявый вдвое сложенный плащъ, котомку на спинѣ и палку въ рукахъ. По видимому, еще при жизни Сократа онъ обнаруживалъ наклонность къ этой жизни; по крайней мѣрѣ, на его дырявый плащъ указывалъ самъ Сократъ. Можетъ показаться страннымъ то, что Сократъ, который проповѣдывалъ ученіе объ *умѣренности*, какъ основаніи добродѣтели, и самъ велъ суровую жизнь, былъ не всегда, по видимому, доволенъ своимъ ученикомъ, выражавшимъ стремленіе осуществить въ жизни указанное ученіе. Но Сократъ понималъ, откуда вытекаетъ у Антисеена это стремленіе. По разсказу Діогена Лаэртія, однажды, когда Антисеенъ выставилъ на видъ разорванную часть своего плаща, Сократъ, увидѣвши это, сказалъ: Я вижу твое *тщеславіе* (φιλοδοξία) сквозь твой плащъ» (D. L. Lib. VI, cap. 1, 8). Впослѣдствіи выяснилось, что Антисеенъ неточно понималъ ученіе Сократа объ умѣренности. Сократъ, проповѣдуя ученіе объ умѣренности, въ тоже время не уклонялся абсолютно отъ удовольствій. Участвуя на пирахъ среди тогдашней интеллигентной богатой молодежи, онъ пилъ вина иногда не меньше, если не больше, другихъ, хотя пьянымъ никто никогда не видѣлъ его (Plat. Sympos.). Между тѣмъ Антисеенъ высказывался рѣши-

тельно противъ всякаго удовольствія. «Я скорѣе съ ума сойду, говорилъ онъ, чѣмъ испытаю удовольствіе (Μανείην μᾶλλον ἢ ἡσθείην. Diog. L. Lib. VI cap. 1, 3). Уже въ этомъ видна разница во взглядахъ Сократа и Анτισоена на умѣренность. Сократъ, у котораго слово не расходилось съ дѣломъ, понималъ умѣренность не въ смыслѣ абсолютнаго воздержанія отъ чувственныхъ удовольствій, какъ дѣлалъ и училъ Анτισоенъ. Вообще крайній аскетизмъ—не въ духѣ нравственной философіи Сократа, по которой цѣль человѣческой жизни есть достиженіе *высшаго блага*, неисключающаго благъ жизни вообще. Если бы Сократъ проповѣдывалъ въ своемъ нравственномъ ученіи абсолютный аскетизмъ, то Аристиппъ, другой ученикъ Сократа, не вывелъ бы изъ его ученія о высшемъ благѣ того заключенія, что высшее благо состоитъ въ удовольствіи, сведя послѣднее на чувственныя удовольствія. Обратимся снова къ тому изъ вышеприведенныхъ нами мѣстъ «Memorabilia» Ксенофонта, гдѣ говорится, что «умѣренные одни могутъ понимать лучшее въ вещахъ; одни они имѣютъ свободу избирать истинное добро и воздерживаться отъ зла, діалектически различая виды благъ въ теоріи и на практикѣ». Основная мысль здѣсь та, что *умѣренные пользуются свободой выбора среди различныхъ видовъ благъ*. Такая свобода выбора возможна при двухъ условіяхъ: съ одной стороны, необходимо знаніе различныхъ видовъ благъ и ихъ сравнительнаго достоинства, что отнюдь не исключаетъ опытъ, непосредственное знаніе въ жизни, на практикѣ (ἐϋρυφ); съ другой стороны—полная независимость отъ всѣхъ этихъ благъ, дабы возможенъ былъ свободный выборъ. Неумѣренный уже потому не можетъ сдѣлать выбора, что онъ исключительно преданъ чувственнымъ удовольствіямъ, находится въ полной зависимости отъ нихъ и не стремится къ иному рода благамъ; онъ можетъ даже не признавать ихъ и не знать. Равнымъ образомъ и тотъ, который рѣшительно убѣгаеетъ отъ всѣхъ удовольствій и радостей жизни, впадаетъ въ непозволительную крайность. Абсолютное воздержаніе отъ удовольствій и благъ жизни, какъ обыкновенно мы понимаемъ ихъ, можетъ быть истолковано въ смыслѣ боязни, чтобы не попасть въ зависимость отъ нихъ и не сдѣ-

латься ихъ рабомъ. Такова именно была мысль Антисеена, устранившаго отъ себя все, что связывало бы его съ окружающею жизнью. Аристиппъ лучше, чѣмъ Антисеенъ, понималъ ученіе Сократа, когда ставилъ для себя принципомъ: «не быть рабомъ удовольствій, но господствовать надъ ними» (*τὸ κρατεῖν καὶ μὴ ἡττᾶσθαι ἡδονῶν*), хотя въ жизни, повидимому, онъ не могъ выполнить его. При той постановкѣ дѣла, какую мы видимъ у Антисеена, трудно сдѣлать въ жизни разграниченіе между тѣмъ, отъ чего слѣдуетъ воздерживаться, и тѣмъ, отъ чего не слѣдуетъ воздерживаться. Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, какъ далеко простиралось у циниковъ воздержаніе и какое извращенное направленіе получила у нихъ человѣческая нравственность. Она была сведена къ самому крайнему эгоизму. Не таково было высокое нравственное ученіе Сократа, запечатлѣнное имъ своею смертію. Но нельзя установить надлежащаго взгляда на Антисеена, его жизнь и ученіе, не познакомившись предварительно съ его происхожденіемъ и положеніемъ въ обществѣ.

Хотя Антисеенъ родился въ Аѣинахъ и отъ отца аѣинянина, но мать его была еракіянка. Вслѣдствіе того, что мать его была иностранка, онъ не могъ пользоваться правами Аѣинскаго гражданина и занимать общественныхъ должностей. Это, независящее отъ него, обстоятельство глубоко, повидимому, оскорбляло его самолюбіе, — тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ, насколько онъ по своимъ способностямъ и дарованіямъ стоялъ выше многихъ природныхъ аѣинянъ, занимавшихъ видное мѣсто въ обществѣ и государствѣ. Мы видѣли, какимъ блестящимъ краснорѣчіемъ отличался Антисеенъ. Не менѣе того, онъ былъ славнымъ воиномъ. Діогенъ Лаэртій перадаетъ, что Антисеенъ участвовалъ въ битвѣ при Танагрѣ и обнаружилъ замѣчательную храбрость, которая дала поводъ Сократу высказать: «и отъ обоихъ аѣинянъ не рождалось столь храброго воина» (*D. L. Lib. VI cap. I. 1.*). Какъ обыкновенно бываетъ въ жизни, Антисеену ставили иногда какъ бы въ упрекъ и порицаніе его происхожденіе и ему приходилось какъ бы оправдываться въ томъ, въ чемъ онъ не былъ виноватъ. Въ одномъ случаѣ на замѣчаніе такого рода, — что онъ происхо-

дить отъ Фракіянки, онъ говоритъ: «и мать боговъ есть Фригія» (ibid. 1). И въ другомъ случаѣ, на слова, обращенныя къ нему въ видѣ порицанія, что онъ происходитъ не отъ обоихъ свободныхъ родителей, онъ говоритъ: «хотя я родился не отъ обоихъ борцевъ, тѣмъ не менѣе я—борецъ» (ibid. 4). Какъ бы то ни было, все это, конечно, озлобляло Антисоена съ его самолюбивымъ и тщеславнымъ характеромъ и вооружало его противъ природныхъ аѳинянъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ социальнымъ явленіемъ. Антисоенъ, можно сказать, принявъ боевое положеніе по отношенію къ Аѳинскому обществу и, дѣйствительно, сдѣлался «борцемъ». Это выразилось прежде всего въ его злыхъ насмѣшкахъ надъ аѳинянами. Обладая остроуміемъ, онъ доводилъ его до злого и грубаго сарказма. Объ аѳинянахъ, величавшихся своимъ происхожденіемъ, онъ съ презрѣніемъ говорилъ: «они по своему происхожденію ни чѣмъ не славнѣе саранчи и улитокъ» (ibid. 1). Когда ему кто-то сказалъ: тебя многіе хвалятъ, то онъ отвѣтилъ: «что сдѣлалъ я дурнаго?» (ibid. 8), выражая тѣмъ презрѣніе къ восхвалявшимъ его. За его злыя насмѣшки называли его *собакою* (κύων); да и самъ онъ называлъ себя этимъ именемъ. И Діогенъ Лаэртій въ своей эпитаграммѣ говоритъ: «въ жизни ты, Антисоенъ, былъ настоящею собакою; ты кусать, только—не зубами, а словами» (ibid. 19).

Такимъ образомъ, по отношенію къ Антисоену нельзя сказать, чтобы одно ученіе Сократа объ *умѣренности*, односторонне понятое, было причиною того, что онъ избралъ для себя аскетическій образъ жизни. Оно и понято было Антисоеномъ односторонне потому, что другія причины предрасполагали его къ этой жизни. Прежде всего въ немъ могла сказаться суровая натура матери—сѣверянки, когда тому способствовали обстоятельства. Такія обстоятельства были. Когда началось его серьезное философское образованіе, среди цивилизованнаго и изнѣженнаго роскошью тогдашняго Аѳинскаго общества стали раздаваться голоса, призывающіе къ *жизни по природѣ* (κατὰ φύσιν τὸ εἶναι). Неясное само по себѣ ученіе о жизни по природѣ дѣлается для Антисоена яснымъ при соприкосновеніи его съ Сократомъ, когда онъ познако-

мился съ жизнію и ученіемъ этого великаго мудреца древности. Онъ сознательно понималъ, чего требуетъ и куда влечетъ его сильная и вмѣстѣ суровая натура его; она тянула его къ труду и лишеніямъ. По словамъ Діогена Лаэртія, отъ Сократа Антисоенъ и выносливости научился, и спокойствію его души соревновалъ и примѣрами Геркулеса и Кира доказывалъ, что *трудъ составляетъ благо* (ὅτι ὁ πόνος ἀγαθόν. *ibid.* 2.). Можно сказать, что непомѣрное самолюбіе и тщеславіе, указанное въ Антисоенѣ дальновиднымъ мудрецомъ — Сократомъ, поддерживали его на избранномъ имъ пути. Своимъ аскетизмомъ въ жизни, доведеннымъ до того, что онъ отказывалъ себѣ не только въ удобствахъ, но нерѣдко въ необходимомъ, онъ поражалъ воображеніе привыкшихъ къ роскоши аѳинянъ, обращалъ на себя ихъ вниманіе и заставлялъ удивляться себѣ. Живя такимъ образомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ полную независимость отъ кого бы то ни было; онъ достигъ такой независимости въ обществѣ, какая только возможна для человѣка. Въ силу этой независимости онъ свободно могъ высказывать тѣ сарказмы противъ цѣлаго общества и частныхъ лицъ, на которые указано нами.

По смерти Сократа Антисоенъ является уже самостоятельнымъ философомъ. Выработавши себѣ опредѣленное философское міровоззрѣніе, онъ, по свидѣтельству Діогена Лаэртія, сталъ преподавать философію въ *Киносаріи* около храма Геркулеса недалеко отъ городскихъ воротъ. Онъ своей философіи приписываетъ то, что могъ создать для себя *самодовольную жизнь* (ἐκ φιλοσοφίας... τὸ δύνασθαι εἶναι ὁμολεῖν. *ibid.* 6). Тѣмъ не менѣе количество учениковъ его было незначительно; да и тѣ, какъ видно, скоро разбѣжались и его оставили, потому что кромѣ непривлекательности его ученія онъ обращался съ своими учениками сурово (*ibid.* 4). Онъ остался одинъ въ гордомъ сознаніи, что *мудрецъ все въ себѣ имѣетъ* (αὐτάρκη τὴ εἶναι τὸν σοφόν. *ibid.* 11.). Только по временамъ отвѣчаетъ онъ на обращенные къ нему отъ кого-либо вопросы съ обычнымъ остроуміемъ и сарказмомъ, или самъ дѣлаетъ замѣчанія по поводу встрѣтившихся ему случаевъ людской глупости и допускаемыхъ людьми несообразностей. При-

ведемъ нѣсколько примѣровъ. Однажды онъ совѣтовалъ афинянамъ сдѣлать постановленіе считать ослѣпъ за лошадей. Когда они сказали ему на это, что онъ сошелъ съ ума, то онъ въ свою очередь сказалъ имъ: «у васъ бывають же военачальники, которые ничему не учились и сдѣлались такими только по выбору» (ibid. 8). Разъ будучи посвященъ въ богослуженіе орфическое на слова жреца, что посвященные будутъ пользоваться многими благами въ аду, Антисѣенъ сказалъ: «почему же ты не умрешь?» (ibid. 4). На вопросъ: почему онъ слишкомъ строго обращается съ учениками, онъ отвѣчалъ: «и врачи такъ поступаютъ съ больными» (ibid.) и т. д.

Къ сожалѣнію, мы лишены возможности воспроизвести философское ученіе Антисѣена по непосредственнымъ источникамъ, такъ какъ его сочиненія не дошли до насъ. Діогенъ Лаэртій, къ которому намъ приходится постоянно обращаться, слишкомъ мало свѣдѣній сообщаетъ намъ о философіи основателя цинической школы. Нѣсколько отрывочныхъ, кратко выраженныхъ и безсвязно изложенныхъ изрѣченій и положеній Антисѣена—вотъ почти все, на основаніи чего мы принуждены составлять себѣ понятіе о философіи Антисѣена.

Діогенъ Лаэртій замѣчаетъ, что циникамъ вообще нравилось отвергать *умозрительную* (λογικόν) и *физическую* философію или философію о природѣ и исключительно заниматься, *нравственною* философіею (Diog. L. Lib. VI. cap. IX 103). Начало такому направленію философіи циниковъ положилъ Антисѣенъ. Въ этомъ можно видѣть вліяніе на Антисѣена учителя его—Сократа, который, по свидѣтельству Ксенофонта, отказался разсуждать о природѣ вещей и обратился къ разсужденіямъ о добродѣтели; но скептицизмъ по отношенію къ умозрительной философіи заимствовалъ Антисѣенъ, вѣроятно, отъ софиста Горгія. Въ противоположность Сократу Антисѣенъ относится враждебно ко всякаго рода умозрѣніямъ. На основаніи нѣкоторыхъ указаній Аристотеля и Діогена Лаэртія можно видѣть, что Антисѣенъ не признавалъ *общихъ* понятій, отвергалъ *опредѣленіе* и отрицалъ возможность *творенія*; все это было не въ духѣ философіи Сократа. Нѣ-

которые называютъ Антисѣена *номинаметомъ* (Смотр. G. Grote-Plato and the other companios of Sokrates vol. 519 стр. и слѣд.).

Будучи скептикомъ по отношенію къ умозрительной философіи и философіи о природѣ, Антисѣенъ безусловно признавалъ достовѣрность *нравственной философіи*, если можно такъ выразиться. «Добродѣтели свойственны дѣла, говоритъ Антисѣенъ; она не нуждается ни въ многоглаголаніи, ни въ наукахъ» (Diog. L. Lib. VI. cap. 1. 11). Правда, онъ говорилъ, что добродѣтель приобрѣтается знаніемъ (τὴν ἀρετὴν διδασκτὴν εἶναι. *ibid.* Lib. VI cap. I. 10 и cap. IX. 105) и это положеніе, по видимому, вторитъ ученію Сократа, который также говорилъ, что «добродѣтель есть знаніе». Но чтобы не впасть въ ошибку при истолкованіи ученія Антисѣена, не нужно упускать изъ виду біографическія данныя, относящіяся къ жизни Антисѣена, не нужно забывать, что онъ первоначально учился у софиста Горгія и въ жизни отрицательно относился къ усвоеннымъ въ обществѣ нравственнымъ правиламъ. Дѣйствительно, онъ, какъ ученикъ софиста, *противопоставлялъ добродѣтели законамъ республики*. Онъ говорилъ: «мудрый живетъ не по установленнымъ законамъ, а по закону добродѣтели (τὸν σοφὸν οὐ κατὰ τοὺς κεκείμενους νόμους πολιτεύεσθαι, ἀλλὰ κατὰ τὸν τῆς ἀρετῆς. Diog. L. Lib. VI cap. I. 11). Такого противопоставленія добродѣтели установленнымъ законамъ не дѣлалъ Сократъ; напротивъ, послѣдній училъ о соблюденіи *писанныхъ* законовъ, сопоставляя ихъ съ *неписанными* (ἄγραφοι νόμοι), исполнять которые всякій считаетъ своею обязанностію. Антисѣенъ создаетъ себѣ идеаль «мудреца, который не нуждается ни въ какихъ предписаніяхъ и писанныхъ законахъ, чтобы знать, какъ вести жизнь; онъ живетъ *по добродѣтели*, которая ни въ чемъ не нуждается, кромѣ Сократовой силы», говоритъ Антисѣенъ (μηδεὺς προσδεομένην, ὅτι μὴ Σωκρατικῆς ἰσχύος. *ibid.*).

По недостатку свѣдѣній о дальнѣйшемъ развитіи нравственной философіи Антисѣена мы принуждены пока удовлетвориться изложеннымъ здѣсь. Эта философія въ ея направленіи выяснится намъ лучше изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Діо-

геномъ Лаэртиемъ о знаменитомъ ученикѣ Антисѳена — Діогенѣ Синопскомъ, его жизни и ученіи. На послѣднемъ онъ останавливается больше, чѣмъ на Антисѳенѣ, и даетъ намъ больше матеріала для выясненія философіи циниковъ. Перейдемъ къ Діогену Синопскому.

Діогенъ Синопскій. О ранней жизни Діогена Синопскаго, пока онъ не сдѣлался ученикомъ Антисѳена и циникомъ, намъ извѣстно только слѣдующее. Онъ былъ сыномъ Синопскаго мѣнялы. Послѣдній, какъ передаютъ, занимался вмѣстѣ съ тѣмъ и поддѣлкою монеты. Эвбулидъ говоритъ, что поддѣлкою монеты занимался вмѣстѣ съ отцемъ и Діогенъ, и что оба они изгнаны были за это изъ отечества. Нѣкоторые утверждаютъ, что Діогенъ первоначально отправился въ Дельфы, а потомъ въ Аѳины. Здѣсь онъ встрѣтился съ Антисѳеномъ и рѣшился сдѣлаться его ученикомъ. Но Антисѳенъ въ это время не принималъ уже учениковъ; поэтому, сталъ, какъ передаютъ, гнать Діогена отъ себя палкою. Діогенъ, наклонивши голову, сказалъ: «бей, ты не найдешь такой крѣпкой палки, которою ты могъ бы отогнать меня отъ себя, пока не скажешь мнѣ хоть что-нибудь». Антисѳенъ уступилъ и Діогенъ, сдѣлавшись его ученикомъ, сталъ вести суровую жизнь циника по примѣру своего учителя.

Мы точно не знаемъ, насколько виновенъ былъ Діогенъ въ поддѣлкѣ монеты. Нѣкоторые говорятъ, что онъ не былъ изгнанъ изъ отечества, а добровольно оставилъ его изъ страха, чтобы не привлекли его къ отвѣтственности вмѣстѣ съ отцомъ за поддѣлку монеты. Тѣмъ не менѣе въ Аѳинахъ считали его изгнанникомъ изъ отечества за поддѣлку монеты и ему не разъ приходилось выслушивать порицаніе за это. Одному изъ порицателей онъ отвѣчаетъ: «несчастный, благодаря этому я сдѣлался философомъ» (D. L. Lib. VI cap. II, 49). Въ другой разъ онъ даетъ рѣзкій отвѣтъ по тому же поводу: «было время, когда я былъ такимъ, какъ ты; но каковъ я теперь, такимъ ты никогда не сдѣлаешься» (ibid., Lib. VI, cap. II, 56). Такимъ образомъ видно, что положеніе Діогена въ обществѣ было аналогично положенію Антисѳена и какъ тамъ, такъ и здѣсь озлобленіе и протестъ противъ общества

являются естественнымъ слѣдствіемъ. Діогенъ Синопскій былъ, какъ можно видѣть изъ нѣкоторыхъ указаній Діогена Лаэртія, не менѣе, если еще не болѣе, Антисѣена самолюбивъ, гордъ, тщеславенъ. На это указалъ ему однажды Платонъ. Діогенъ явился къ Платону, когда у него были друзья Діонисія, имъ приглашенные, и сталъ топтать ковры, приговаривая: «я попираю тщеславіе Платона». На это Платонъ отвѣчалъ: *«другимъ тщеславіемъ»* (Diog. L. lib. VI cap. II. 26). Извѣстна сцена посѣщенія его Александромъ Великимъ, когда послѣдній, подойдя къ Діогену, сказалъ: «я—Александръ, великій царь» и получилъ на это отвѣтъ: «я—Діогенъ, собака», и далѣе—съ какимъ презрѣніемъ отнесся Діогенъ къ предложенію Александра просить у него, чего хочешь: «посторонись и не заслоняй мнѣ солнце» — былъ отвѣтъ Діогена. Когда Діогенъ, будучи схваченъ пиратами, продавался вмѣстѣ съ прочими, то на вопросъ: что онъ умѣетъ дѣлать?—отвѣчалъ: «повелѣвать людьми» (ibid. L. VI cap. II 74).

Діогенъ, кажется, еще дальше своего учителя—Антисѣена шелъ въ аскетизмѣ: онъ пробовалъ даже питаться сырымъ мясомъ. Нѣкоторые утверждали, что онъ и умеръ отъ того, что съѣлъ сырую ногу быка. Послѣднее, вѣроятно, есть не что иное, какъ выдумка. Но несомнѣнно извѣстно, что онъ жилъ въ бочкѣ и кромѣ плаща не имѣлъ ничего. Тѣмъ съ большимъ презрѣніемъ относился онъ къ грекамъ вообще и къ аѳинянамъ въ частности. Діогенъ Лаэртій занесъ на страницы біографіи Діогена цѣлый рядъ сарказмовъ его, направленныхъ противъ грековъ и въ частности—аѳинянъ. На вопросъ: гдѣ въ Греціи онъ видѣлъ храбрыхъ мужей? Діогенъ отвѣчалъ: «мужей нигдѣ не видѣлъ: въ Лакедемонѣ видѣлъ дѣтей» (ibid. L. VI cap. II 27). Другой разъ, когда онъ возвратился изъ Спарты въ Аѳины и его спросили: откуда и куда? Онъ отвѣчалъ: «отъ мужчинъ къ женщинамъ» (ibid. L. 59). Извѣстно, какъ онъ днемъ явился на площади съ зажженнымъ огнемъ и спрашивающимъ отвѣчалъ: «человѣка ищущу». Въ другой разъ онъ сдѣлалъ болѣе рѣзкую и грубую выходку: онъ однажды крикнулъ «эй, люди»; когда на его крикъ многіе приблизились къ нему, то онъ, отгоняя ихъ

палкою, сказалъ: «я звалъ людей, а не изверженія (ibid. 32)». За это называли его не иначе, какъ собакою. «Да, я—собака, говорилъ онъ,—изъ такихъ, которыхъ хвалятъ; только никто изъ хвалящихъ не осмѣливается выйти съ нею на охоту» (ibid. 33).

Изъ біографіи Діогена Синопскаго, написанной Діогеномъ Лаэрціемъ, не видно, чтобы онъ слушалъ кого либо изъ софистовъ; но, повидимому, онъ занимался діалектикою и краснорѣчіемъ. О силѣ и убѣдительности его бесѣды свидѣлствуетъ тотъ же Діогенъ Лаэрцій. Онъ рассказываетъ со словъ другихъ, что нѣкто *Онесикритъ* Эгинянинъ послалъ одного изъ двоихъ сыновей своихъ въ Аѣины. Послушавши Діогена, онъ остался въ Аѣинахъ. Отецъ послалъ туда же втораго старшаго сына; но и съ нимъ произошло тоже. Наконецъ, самъ отецъ отправился въ Аѣины и самъ остался тамъ же съ дѣтьми, увлекшись философіею Діогена и его рѣчами (ibid. 75). Діогенъ Лаэрцій прибавляетъ, что его слушалъ и Фокіонъ, прозванный добрымъ, и даже Стилпонъ мегарскій, а также много другихъ государственныхъ мужей. Повидимому, въ число средствъ его самообразованія входило чтеніе и изученіе поэтовъ и различныхъ писателей; по крайней мѣрѣ извѣстно, что онъ, обучая дѣтей коринѣянина *Ксениада*, который выкупилъ его и поручилъ ему воспитаніе своихъ дѣтей, требовалъ отъ нихъ того же изученія, заботясь о томъ, чтобы они, какъ можно, больше и легче запоминали. Нельзя отрицать того, что при изученіи поэтовъ, особенно комиковъ, и діалектики имѣлось въ виду развитіе *остроумія*, дабы тѣмъ сильнѣе вести борьбу съ обществомъ, его недостатками и пороками. Дѣйствительно, нельзя не удивляться тому, какъ остроумно и мѣтко направлялъ свои удары Діогенъ на недостатки и пороки Аѣинянъ. Это можно видѣть уже въ тѣхъ изреченіяхъ Діогена, которые приведены нами. Діогенъ Лаэрцій приводитъ массу другихъ его изреченій въ томъ же родѣ. Иногда Діогенъ позволяетъ себѣ игривый юморъ безъ желчи. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ. Нѣкто на своемъ домѣ сдѣлалъ надпись: да не входитъ ничто дурное (*κακόν*). «Какимъ же образомъ войдетъ хозяинъ дома?» сказалъ Діо-

генъ (Ibid. 39). Другой тотчасъ послѣ своего брака сдѣлалъ на своемъ домѣ такую надпись: здѣсь живетъ Каллиникъ Геркулесъ, сынъ Юпитера; да не входитъ ничто дурное. Діогенъ же прибавилъ свою надпись: «послѣ битвы помощь» (Ibid. 50). Однажды, когда сынъ развратной женщины бросалъ камешки въ толпу, Діогенъ, обращаясь къ нему, сказалъ: «смотри, чтобы не попасть въ своего отца» (Ibid. 62). Особенно нападалъ Діогенъ, вслѣдъ за своимъ учителемъ Антисѣеномъ, на преступную страсть къ мальчикамъ, такъ сильно распространенную въ то время въ Аѳинахъ; но изреченія его, сюда относящіяся, не удобно приводить здѣсь, равно какъ и изреченія Антисѣена по тому же предмету, о которыхъ мы умолчали въ своемъ мѣстѣ.

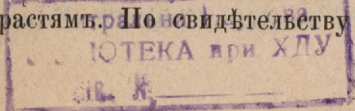
Та же ненависть къ *умозрительной философіи* и *философіи физической* или о природѣ, которую мы видѣли у Антисѣена, развита была и у Діогена, если не въ большей степени. Школу Эвклида онъ называлъ *χολή*, т. е. жолчь. Особенно Платонъ не рѣдко становился предметомъ насмѣшки Діогена. То онъ смѣется надъ путешествіями Платона въ Сиракузы къ Дионисию — тиранну, предпринимаемыми будто бы ради роскошныхъ обѣдовъ богатаго тиранна; то, какъ мы видѣли, топчетъ богатые ковра въ школѣ Платона. Особенно ученіе Платона объ идеяхъ подвергалось нападеніямъ Діогена. «Я вижу столъ и сосудъ для питья, говорилъ онъ; но идеи стола, идеи сосуда я не вижу» (*τράπεζαν καὶ κώδον ὁρῶ· τραπεζότητα καὶ κωδοτήτα οὐδ' αὖρις*. Ibid. 53). Равнымъ образомъ, ученіе Платона объ *опредѣленіи* подверглось осмѣянію Діогена. Діогенъ Лаэртій передаетъ, что будто бы Платонъ опредѣлялъ чловѣка такимъ образомъ: «чловѣкъ есть животное двуногое безперое» и что будто бы Діогенъ, оцѣпавши перья пѣтуха, бросилъ его въ школу Платона, говоря: «вотъ чловѣкъ Платона» (Ibid. 40). Извѣстно, что философы Элеатской школы отвергали существованіе движенія въ мірѣ съ умозрительной точки зрѣнія. Когда нѣкто сказалъ Діогену, что не существуетъ движенія, то онъ всталъ и началъ ходить. Обращаясь однажды къ занимавшемуся наблюденіемъ и изученіемъ неба, Діогенъ сказалъ: «когда же, наконецъ, ты возвратишься съ

неба на землю» (Ibid. 39). Когда нѣкто показывалъ Діогену солнечные часы, то онъ сказалъ: «по истинѣ хорошее изобрѣтеніе для того, чтобы не пропустить обѣда» (Diog. L. Lib. IV cap. IX 104).

Діогенъ высказывался противъ изученія *музыки, геометріи, астрологіи* и другихъ наукъ того же рода, считая ихъ без-
 полезными и не необходимыми для человѣка (Diog. L. lib. VI cap. II 73). Онъ, какъ говоритъ Діогенъ Лаэртій, удивлялся *музыкантамъ* въ томъ, что они, настраивая гармонично струны на лирѣ, въ то же время рѣшительно пренебрегаютъ заботою о благоустройствѣ своей души. Онъ удивлялся *грамматикамъ* въ томъ, что они, отыскивая недостатки въ Одиссеѣ, въ то же время не хотятъ знать собственныхъ недостатковъ. Онъ порицалъ *математиковъ* за то, что они, наблюдая солнце и луну, не хотятъ видѣть того, что находится у нихъ подъ ногами. Наконецъ, онъ порицалъ *ораторовъ*, за то, что они, научившись хорошо говорить рѣчи о справедливости, сами никогда не соблюдаютъ ее въ жизни (ibid. 27).

По Діогену, не умозрительная, а дѣятельная жизнь нужна человѣку. Главная цѣль человѣка *жить по добродѣтели*. Такая жизнь состоитъ въ презрѣніи богатства, славы и знатности; а главное, слѣдуетъ презирать удовольствія. Для человѣка, привыкшаго къ удовольствіямъ, сдѣлать это не такъ легко; но нужно вести постоянную борьбу съ чувственными инстинктами, влекущими къ удовольствіямъ; храбрость есть основная добродѣтель. Нужно постоянное упражненіе души въ указанномъ направленіи также, какъ требуется упражненіе тѣла чрезъ гимнастику (διττὴν δὲ ἐλεγεῖν εἶναι τὴν ἄσκησιν τὴν μὲν ψυχικὴν τὴν δὲ σωματικὴν. ibid. 70). Какъ въ тѣлѣ чрезъ упражненіе пріобрѣтаются хорошія привычки и новыя силы—въ тѣхъ органахъ, которые упражняются, такъ бываетъ и въ душѣ (οὐδὲν ἥττον εὐεξίας καὶ ἰσχύος ἐν τοῖς προσήκοσι γινόμενης, ὥς περὶ ψυχὴν καὶ τὸ σῶμα. ibid.).

Діогенъ также, какъ учитель его—Антисоенъ, создалъ себѣ идеаль жизни на понятіи *мудреца* (σοφός). Это понятіе требовало жизни по *природѣ* и по *разуму*, а не по закону и страстямъ.

нопскій противопоставлялъ природу закону и разуму страстямъ (*ἀντιτιθέναι νόμον φύσιν, πᾶσι δὲ λόγον. ibid. 37*). Съ этой точки зрѣнія ему представилась масса несообразностей въ жизни людей. Его возмущали, напр., тѣ, которые приносили жертву ради здоровья и которые въ тоже время при жертвоприношеніи ѣли столько, что вредили своему здоровью (*ibid. 28*). Далѣе, онъ говорилъ: «когда въ жизни наблюдаешь правителей, врачей, философовъ, то считаешь человѣка умнѣйшимъ изъ всѣхъ животныхъ; когда же, напротивъ, наблюдаешь снотолкователей, прорицателей и тѣхъ, которые стекаются къ нимъ, а равно, — когда наблюдаешь тѣхъ, которые ражжгаются стремленіемъ къ славѣ, къ богатству, то приходишь къ мысли, что на свѣтѣ нѣтъ глупѣе человѣка» (*24 ibid*). Такъ какъ большинство людей руководится суевѣріемъ и предразсудками, а равно — большинство стремится или къ удовольствіямъ, или къ богатству и роскоши, или, наконецъ, къ славѣ и почестямъ, то въ большинствѣ людей онъ видѣлъ глупцовъ. Иногда, повидимому, люди, его окружающіе, казались ему *психически* больными, которымъ нуженъ врачъ, и онъ думалъ, что роль врача принадлежитъ въ этомъ случаѣ *мудрецу*, который своимъ ученіемъ и жизнію долженъ указывать людямъ средства и пути къ излеченію. Онъ говорилъ, что люди несчастливы по своей глупости (*παρὰ τῇ ἄνοιᾳ κακοδαίμονοισι*). Еслибы они оставили бесполезные труды (для достиженія богатства, удовольствій, славы и проч.), и избрали бы труды *согласно указаніямъ природы* (*κατὰ φύσιν*), то непременно жили бы счастливо (*δέον... ζῆν εὐδαίμονως. ibid. 71*). Эти труды — труды Геркулеса.

Посмотримъ ближе, какъ понималъ Діогенъ жизнь по *природѣ* и по *разуму*. Діогенъ Лаэртій говоритъ: «Діогенъ *имѣлъ обыкновеніе дѣлать все открыто* — и то, что относится къ *Церерѣ*, и то, что относится къ *Венерѣ*». (*ibid. 69*). Для оправданія такого поведенія онъ пользовался такого рода аргументами: «если въ ѣдѣ нѣтъ ничего постыднаго, то нѣтъ ничего постыднаго въ томъ, чтобы ѣсть на площади» (*ibid*). Дѣлая это постоянно, онъ приговаривалъ: «нельзя же однимъ почесываніемъ желудка устранить голодъ» (*ibid. 69*). Кажется

съ той же точки зрѣнія *жизни по природѣ* онъ оправдывалъ даже каннибализмъ. «Нѣтъ, говорить онъ, ничего безбожнаго питаться человѣческимъ мясомъ, и это очевидно изъ принятаго обычая у другихъ народовъ (ibid.); вѣдь согласно здравому разсужденію (τῷ δὲ ορθῷ λόγῳ) все находится во всемъ и проникаетъ все. И въ хлѣбѣ есть мясо и въ зелени заключается хлѣбъ; то же нужно сказать и о другихъ тѣлахъ, входящихъ всюду и выходящихъ чрезъ испареніе невѣдомыми намъ путями» (ibid). Вѣроятно, съ точки зрѣнія тойже *жизни по природѣ и по разуму*, Діогенъ училъ, что *женщины должны быть общими* (κοινὰς εἶναι δεῖν τὰς γυναῖκας. ibid. 72); брака, какъ онъ обыкновенно понимается, совсѣмъ не требуется; поэтому и *дѣти должны быть общими* (κοινοὺς δὲ διὰ τοῦτο οἰεῖσθαι. ibid.). Антисѣенъ, хотя, повидимому, не отвергалъ брака, тѣмъ не менѣе смотрѣлъ на союзъ мужчины и женщины съ физической точки зрѣнія; этотъ союзъ нуженъ для того, чтобы имѣть дѣтей. «Нужно, говорить онъ, жениться ради того, чтобы произвести дѣтей; поэтому, нужно сходиться съ самыми красивыми женщинами» (Diog. Laert. Lib. VI cap. I. 11). По Діогену же, не требуется для этого постоянный и неразрывный бракъ; достаточно взаимнаго согласія между мужчиною и женщиною, чтобы сойтись (τὸν πείσαντα τῇ πείσασθι συνεῖναι. Diog. Laert. Lib. VI cap. II 72). Нужна не семья, а *коммуна друзей*. «Все принадлежит богамъ», говорить Діогенъ. Какимъ же образомъ человѣкъ можетъ имѣть *собственность*? «Боги суть друзья мудрецовъ» (φίλοι δὲ τοῖς σοφοῖς οἱ θεοί. ibid.). «У друзей должно быть все общее». (κοινὰ δὲ τὰ τῶν φίλων. ibid.).

Читатель, знакомый съ новыми теоріями подобнаго рода, конечно, ожидаетъ, чтò же скажетъ Діогенъ Синопскій о государствѣ и его устройствѣ? Знатность рода, по Діогену, личная слава и все прочее, сюда относящееся, достойны осмѣянія; «все это—украшенія испорченности (προκοσμήματα κακίας ibid. 72)». Такимъ образомъ, Діогенъ былъ противъ исторически создававшагося строя общественнаго и государственнаго. Повидимому, онъ желалъ полнаго равенства людей. Еще Антисѣенъ говорилъ, что «добродѣтель мужчины и женщины—

одинакова» (ἄνδρὸς καὶ γυναικὸς ἡ αὐτὴ ἀρετή. Diog. L. Lib. VI, cap. 1. 12). Діогенъ Синопскій вслѣдъ за учителемъ признавалъ въ рабѣ душу одинаковою съ душою свободнаго. Когда однажды нѣкто спросилъ его: почему рабы называются *андраподами* (ανδράποδα), то онъ отвѣтилъ: «потому что они имѣютъ ноги людей, а душу — такую, какую имѣешь ты, который спрашиваешь» (ibid. 67). Діогенъ признавалъ въ государствѣ необходимость закона. «Безъ закона, говоритъ онъ, не можетъ управляться республика» (περὶ τὸ τοῦ νόμου, ὅτι χωρὶς αὐτοῦ οὐκ ὅιον τε πολιτεύεσθαι. Ib. 72. Только онъ мечталъ о какой-то *мировой республикѣ* (μόνην τε ὁρμήν πολιτεῖαν εἶναι τὴν ἐν κόσμῳ. Ibid). Когда спросили Діогена: откуда онъ? то онъ отвѣтилъ: «я — гражданинъ міра» (κοσμοπολίτης Ibid. 63). Въ этомъ случаѣ Діогенъ былъ послѣдователенъ: во имя равенства, отвергая семью и родовитость, отвергая собственность, возставаая противъ личныхъ заслугъ и извѣстности, онъ желалъ того же равенства между государствами. Для этого онъ началъ проповѣдывать о *единой мировой республикѣ*, въ которой все города и націи — равны между собою и въ которой всякій, гдѣ бы онъ ни былъ, долженъ пользоваться одинаковыми правами съ другими и не считаться чужестранцемъ. Еще Антисоенъ говорилъ «для мудраго не существуетъ того, что называютъ чужестраннымъ» (τῷ σοφῷ ξένον οὐ δέν. Diog. Laert. Lib. VI, cap. I 12).

Такимъ образомъ, мы познакомились съ двумя главными представителями цинической школы: Антисоеномъ и Діогеномъ Синопскимъ. Что касается другихъ циниковъ, о которыхъ сообщаетъ далѣе Діогенъ Лаэртій, то намъ нѣтъ необходимости останавливаться на нихъ. Никто изъ послѣдующихъ циниковъ не прибавилъ ничего новаго къ ученію Антисоена и Діогена. Развѣ стоитъ упомянуть о наиболѣе извѣстномъ среди послѣдующихъ циниковъ — *Кратесѣ*. Нужно замѣтить, что ученіе циниковъ нашло себѣ сочувствіе, какъ и слѣдовало ожидать, среди тѣхъ, которые не пользовались никакими правами, а именно: среди рабовъ. Изъ такихъ Діогенъ Лаэртій указываетъ на *Монима*, бывшаго раба Коринѣскаго мѣнялы, и на *Мениппа*. Напротивъ, Кратесъ Оивскій былъ

очень богатымъ гражданиномъ. Онъ продалъ все свое имущество, получилъ до 300 талантовъ и отдалъ ихъ своимъ согражданамъ, сдѣлавшись циникомъ. Этотъ циникъ отличается иными свойствами души, чѣмъ тѣ, на которыхъ мы останавливались. У него мы встрѣчаемъ большую мягкость въ характерѣ, отзывчивость къ страданіямъ и слабостямъ другихъ; онъ отличается незлобіемъ и терпѣливо переноситъ оскорбленія и обиды, ему нанесенныя. Въ его лицѣ древній греческій цинизмъ отклоняется отъ первоначально принятаго направленія. Кратесъ, дѣйствительно, представляетъ собою переходную ступень отъ циниковъ къ *стоикамъ*: *Зенонъ*, основатель стоической школы, былъ его слушателемъ. О немъ передается также, что онъ былъ женатъ на дочери богатыхъ родителей, очень красивой юной дѣвицѣ *Гиппархіи*, которая увлеклась его ученіемъ и жизнію и стала вести жизнь циника, отказавшись отъ богатства и пренебрегши своею красотою ¹⁾. Ея братъ *Метроклъ* также послѣдовалъ за Кратесомъ, принявъ его ученіе и жизнію.

Жизнь и ученіе Греческихъ циниковъ останавливали на себѣ вниманіе ученыхъ. Между прочимъ эти ученые, говоря о Греческихъ циникахъ, дѣлаютъ попытки указать въ исторіи явленія *аналогичныя* Греческому цинизму. Гротъ, напр., въ своемъ сочиненіи: «Платонъ и другіе ученики Сократа» (*Grote Plato and the other companions of Socrates vol III 513 стр. и слѣд.*) сравниваетъ Греческихъ циниковъ съ *Индійскими тинносифистами*. Но еще раньше Грота, другой писатель *Гладигъ*, на котораго дѣлается указаніе самъ Гротъ,

¹⁾ Вотъ какъ рассказываетъ Диогенъ Лаэртій о выходѣ замужъ Гиппархіи за Кратеса: Гиппархія, сестра Метрокла, увлеклась бесѣдами Кратеса. Она такъ страстно полюбила его ученіе и образъ жизни, что отвергла всѣхъ жениховъ, не придавая никакого значенія ни богатству, ни происхожденію, ни красотѣ. Кратесъ былъ все для нея. Она угрожала родителямъ тѣмъ, что, если они не выдадутъ ее замужъ за Кратеса, она прибѣгнетъ къ самоубійству. Родители ея просили Кратеса отклонить ее отъ ея рѣшенія. Послѣдній сдѣлавъ все для этой цѣли и, наконецъ, видя ея непреклонность, сложилъ передъ нею все, что только имѣлъ, и сказалъ: «вотъ каковъ женихъ; вотъ все его имущество; подумай объ этомъ, потому что, если ты не научишься тому же образу жизни, согласія между нами не будетъ». Юная дѣвица, несмотря ни на что, послѣдовала за Кратесомъ, ведя тотъ же образъ жизни, какъ и онъ. (Diog. Laert. Lib. VI 96).

въ своемъ сочиненіи. (*Gladitsch*—*Einleitung in das verständniss der Weltgeschichte*) сравниваетъ Греческихъ циниковъ съ Индійскими гимнософистами. Первымъ, положившимъ начало такому сравненію, былъ одинъ изъ циниковъ—Онесинкрить, ученикъ Діогена Синопскаго (указанный нами въ своемъ мѣстѣ). Онъ участвовалъ въ походѣ Александра Македонскаго и непосредственно наблюдалъ гимнософистовъ. Онъ сравнивалъ ихъ жизнь съ жизнью своего учителя—Діогена и находилъ, что они превосходятъ въ аскетизмѣ самаго Діогена. Воспользуемся здѣсь описаніемъ Грота жизни и поведенія Индійскихъ гимнософистовъ. «Когда, говоритъ онъ, Александръ Великій въ первый разъ открылъ Индію для наблюденія Грековъ, то одною изъ новинокъ, удивившихъ его и участниковъ его похода, было созерцаніе гимнософистовъ или нагихъ философовъ. Этихъ людей нашли лежащими на землѣ, совершенно голыми или только прикрытыми львиными шкурами. Они воздерживались отъ всякаго рода удовольствій, питались наименьшимъ количествомъ грубой растительной пищи или плодовъ, не обращали вниманія ни на чрезмѣрный зной въ долинахъ и на жестокой холодъ въ горахъ; они нерѣдко усиливали страданія, подвергая себя томительному, или продолжительному и мучительному положенію. Они проводили время или въ молчаливомъ размышленіи, или въ бесѣдахъ о религіи и философіи. Они пользовались уваженіемъ всѣхъ и давали совѣты каждому, смѣло говоря правду сильнымъ земли. Основная идея ихъ состояла въ томъ, чтобы быть для всѣхъ примѣромъ воздержанія, безстрастности, подчиненія только самымъ необходимымъ потребностямъ природы, полного безстрашія и независимости отъ авторитета» (513 и 514 стр.).

Очевидно, что есть сходство въ жизни гимнософистовъ и циниковъ; но также очевидно и то, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о заимствованіи и подражаніи: Онесинкрить—первый изъ циниковъ познакомился съ жизнью гимнософистовъ послѣ того, какъ онъ былъ уже знакомъ съ суровою жизнью своего учителя Діогена. Школа циниковъ—самобытное и независимое явленіе. Относительно самаго сходства ихъ жизни съ жизнью гимнософистовъ слѣдуетъ установить надлежащее по-

нятіе. Это сходство не есть тождество; два явленія только аналогичны и вытекаютъ изъ различныхъ источниковъ и причинъ. О гимнософистахъ говорится, что «они проводили время или въ молчаливомъ размышленіи, или — въ бесѣдахъ о религіи и философіи». Что же касается циниковъ, то мы уже знаемъ, что они враждебно относились къ *умозрительной* философіи. Все поведеніе гимнософистовъ вытекало изъ религіозно-философскаго міровоззрѣнія. Не входя въ разсмотрѣніе этого міровоззрѣнія, кратко скажемъ, что это міровоззрѣніе *пантеистическое*, по которому индивидуумъ не имѣетъ субстанціальнаго существованія; признаваемое индивидуумами самобытное существованіе есть не болѣе, какъ иллюзія; отстаиваніе въ жизни этого индивидуальнаго существованія причиняетъ индивидуумамъ непрерывный рядъ страданій; нужно стремиться къ тому, чтобы *слиться съ общимъ бытіемъ*, слѣдовательно — дѣлать усилія подавлять въ себѣ требованія природы, направленные къ удовлетворенію эгоистическихъ желаній; на этомъ пути нуженъ въ жизни суровый аскетизмъ, не исключаяющій даже *самоистязанія*; смерть — желательна, такъ какъ она-то и переводитъ насъ въ общее бытіе, уничтожая нашу призрачную индивидуальность; если она скоро не приходитъ, то отъ индивидуума зависитъ произвольно лишить себя этой жизни, прибѣгнувши къ самоубійству чрезъ самосожиганіе (излюбленный способъ самоубійства гимнософитовъ ¹⁾); возрожденіе въ общемъ бытіи составляетъ блаженство для индивидуума. Страбонъ (вѣроятно, со словъ Онесинкрита) говорить: «они (гимнософисты) много разсуждали о смерти; называли жизнь въ этомъ мірѣ горящимъ фитилемъ, а смерть рожденіемъ въ общую жизнь и блаженствомъ для философовъ (τὸν δὲ θάνατον γενεσιν εἰς τὸν ὄντως βίον καὶ τὸν εὐδαίμονα τοῖς φιλοσόφοις); поэтому, и предавались величайшему аскетизму, какъ ступени, ведущей къ смерти» (XV. 713 A. Смотр. Grote

¹⁾ Одинъ изъ индійскихъ гимнософистовъ на глазахъ Александра Македонскаго, Онесинкрита и всей македонской арміи добровольно позволилъ сжечь себя на приготовленномъ для этого кострѣ. Передается также о другомъ гимнософистѣ, что онъ добровольно сжегъ себя на кострѣ въ Афинахъ при Римскомъ императорѣ Августѣ (Grote Plat. 517 стр. примѣч.).

Plato 514 стр. примѣч.). Греческая школа циниковъ есть, какъ мы могли убѣдиться, *соціальное* явленіе безъ примѣси религіознаго элемента и мистической философіи. Здѣсь о самоистязаніи, какъ спасительномъ дѣлѣ съ точки зрѣнія религіи, не могло быть и рѣчи; самоубійство также не проповѣдывалось циниками: напротивъ, когда въ старости Антисеенъ сильно страдалъ отъ болѣзни и эти страданія передъ смертію достигли крайней степени, такъ что онъ невольно высказалъ пришедшему къ нему Діогену: «кто избавитъ меня отъ страданій?» и когда Діогенъ, подавая мечъ, сказалъ: «этотъ избавитъ», то Антисеенъ отвѣтилъ: «я сказалъ: *отъ страданій, а не отъ жизни*» (Diog. Laert. Lib. VI. 18. 19); такова была привязанность циниковъ къ настоящей жизни. Діогенъ Синопскій не считалъ грѣховнымъ наслаждаться солнечнымъ свѣтомъ и теплотою. Въ противоположность гимнософистамъ, которыхъ всѣ мысли и стремленія относились къ будущей жизни, циники *ставили себѣ цѣль*, къ достиженію которой стремились *въ настоящей жизни*, не помышляя о будущей. Если они вели аскетическую жизнь, то съ ихъ стороны она не была приготовленіемъ къ смерти; они вели ее для достиженія другихъ цѣлей, на которыя указано нами въ своемъ мѣстѣ. Они отнюдь не обнаруживали самоуничиженія; на противъ, проявляли особенное *самоуваженіе* и *гордость*.

Циники, какъ они охарактеризованы нами въ лицѣ Антисеена и Діогена Синопскаго, чисто *греческое* явленіе. Возникновеніе школы циниковъ, между прочимъ, тѣсно связано съ *софистикою*, о связи которой съ характеромъ и жизнію грековъ было сказано нами. Въ противоположность *созерцательности* въ экстазѣ Индійскихъ гимнософистовъ, циники пользуются софистическими приѣмами *эристики*, изъ которыхъ главный приѣмъ состоитъ въ *противопоставленіи*. Юморъ и сарказмы циниковъ, съ которыми мы познакомились, стоятъ въ тѣсной связи съ указаннымъ приѣмомъ противопоставленія, выработаннымъ въ области *дискурсивной* мысли, отличающей греческій умъ. Въ противоположность стремленію Индійскихъ гимнософистовъ къ абсолютному *покою*, какъ конечной цѣли и высшему благу, циники выступаютъ на *борьбу* съ цѣ-

лымъ обществомъ, со всѣмъ исторически сложившимся его строемъ, нравами, обычаями, институтами. Съ ихъ стороны слышится призывъ къ *труду*; они требуютъ дѣятельной жизни. Цѣль труда—непосредственная практическая *польза*, а не религиозный подвигъ, заключающійся въ умерщвленіи тѣла, какъ у Индійскихъ гимнософистовъ. Они—пессимисты и мрачно смотрятъ на окружающее ихъ общество; но пессимизмъ ихъ отличается отъ пессимизма гимнософистовъ: *они проникнуты вѣрою въ то, что человечество можетъ быть счастливо въ этой жизни*, если оно будетъ жить иначе, чего не признавали гимнософисты. Вѣрно ли понимали циники средства къ достиженію счастья и высшаго блага въ этой жизни, равно какъ и—то, въ чемъ состоитъ это счастье и благо, это другой вопросъ; но сами они думали, что они нашли истинный путь къ счастью на землѣ.

Сопоставленіе циниковъ съ христіанскими монахами IV и V вѣка христіанской эры и средневѣковыми капуцинами, какъ это дѣлаетъ Целлеръ, также должно быть названо неудачнымъ.

Послѣ того, что сказано нами о трагикахъ, софистахъ и циникахъ, намъ приходится на мысль другія аналогичныя съ циниками явленія въ области исторіи. Съ одной стороны, намъ приходится на мысль протестъ Руссо противъ цивилизаціи и призывъ его къ *жизни по природѣ*; съ другой,—проповѣдь Мабли объ абсолютномъ равенствѣ всѣхъ людей и средствахъ къ достиженію этого равенства. Далѣе, мы полагаемъ, что можно указать аналогію между греческими циниками и русскими *нигилистами*. Не входя здѣсь въ обстоятельное изложеніе указанныхъ аналогій, скажемъ, что послѣ циниковъ въ Греціи является школа *стоиковъ*, которая имѣетъ непосредственную связь съ школою циниковъ и присоединяетъ къ тому, что проповѣдывали циники, еще *пантеистическую* метафизику, сходную съ восточнымъ міровоззрѣніемъ. Въ ново-европейскомъ мірѣ послѣ Руссо и Мабли является Шопенгауеръ съ его послѣдователями, который развиваетъ необычную для Руссо и Мабли метафизику съ оттѣнкомъ восточнаго происхожденія, по крайней мѣрѣ въ той ея части, въ которой развивается *пессимистическое* воззрѣніе на міръ.

Послѣ нигилистовъ у насъ является *Л. Толстой* съ своею мистическою метафизикою восточнаго покроя, съ обычнымъ пессимизмомъ. Были ли своего рода циники, Руссо съ Мабли и нигилисты въ Индіи, какъ предшественники гимнософистовъ, этотъ вопросъ могутъ рѣшить намъ спеціалисты.

Θ. Зеленогорскій.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Февраля 1891 года.

Отдѣльные оттиски изъ журн. «Вѣра и Разумъ».

Типографія Губернскаго Правленія.